

А.Н. ФОРМОЗОВ

ОТ МУРМАНА ДО АМУРА

ПУТЕШЕСТВИЯ
ХУДОЖНИКА-АНИМАЛИСТА

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

- Формозов А.Н.**
Ф79 От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста / А.Н. Формозов ; [составление, предисловие, комментарии Н.А. Формозова]. — М. : ДАРЪ, 2018. — 252 с. : цв. ил. — 6+.

ISBN 978-5-485-00590-0

Александр Николаевич Формозов (1899–1973), известный зоолог, эколог, защитник природы, был замечательным писателем-натуралистом и первоклассным художником-анималистом.

Его научно-популярные книги «Спутник следопыта», «Шесть дней в лесах», «Среди природы» выдержали много изданий и хорошо известны. Вместе с тем огромное художественное наследие Формозова до сих пор не было опубликовано. Книга «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста» — первый альбом А.Н. Формозова. В нем собраны иллюстрированные рассказы о его путешествиях на Мурман в 1927 и 1929 годах, в Монголию в 1926-м, в Приморье и на Амур в 1928-м и о работе в тайге Шарьинского района Костромской области в 1930–1940 годах. Рисунки сопровождают цитаты из дневников, писем и работ Формозова. Среди пейзажей, портретов животных, рисунков следов их жизнедеятельности немало и этнографических зарисовок — поморских ёл, гиляцких божков, монгольских предметов быта. Всего в альбоме 495 рисунков, подавляющее большинство из них публикуется впервые. Книга включила около трети художественного архива автора.

УДК 7.042/043
ББК 26.89:85.15

ISBN 978-5-485-00590-0

© Формозов А.Н. (наследники), текст, рисунки, 2018
© Формозов Н.А., составление, предисловие, комментарии, 2018
© Издательство «ДАРЪ», 2018
© 000 ТД «Белый город», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Мурман	13
Мурман, 1927	14
Мурман, 1929	52
Шарья, 1930–1940.....	83
Монголия	155
Приморье и Амур	210
Источники цитат и сведений	248

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Как бывает абсолютный слух в музыке, так бывает и абсолютный глаз в природе, и этим редчайшим свойством обладал Александр Николаевич Формозов», — отозвался о моем отце, авторе этой книги, один из его коллег-зоологов. При всей красоте и лестности этой фразы, на мой взгляд, она неточна. Абсолютный слух — не редкость, а вот «абсолютный глаз в природе» — это нечто исключительное. Ни мне, ни многим друзьям и знакомым не приходилось встречать более наблюдательного человека, чем А.Н.Ф. Хотя, конечно, есть и общее между абсолютным слухом в музыке и «абсолютным глазом» в природе. И в музыке важно не *слушать*, а *услышать*, понимать, так в природе важно не *видеть*, а *увидеть*, распознать и осмыслить... Одной из любимых фраз А.Н.Ф. были слова Дерсу Узалы: «Глаза есть, а посмотри нету»... Вот этим «посмотри» Формозов обладал в высшей степени. Это был, пожалуй, его главный и самый уникальный талант. Но его дополняли еще два — умение замечательно рассказать об увиденном и талант художника, умение изобразить. Триединство природных дарований А.Н.Ф. подметил еще в 1924 году А.Ф. Котс в предисловии к первой студенческой книжке Александра Формозова «Шесть дней в лесах». Александр Федорович Котс, создатель и директор Дарвиновского музея, очень помог Формозову на первых порах в Москве, устроил его к себе на работу, позволил жить прямо в зале музея. Среди сокурсников Формозова слова Котса стали крылатой фразой. Они долго посмеивались над А.Ф., прозвав «человек с тремя талантами», но в глубине души радовались за друга и гордились им. Об особенностях изобразительного дара Формозова, художника, лучше всего сказал его однокашник, замечательный орнитолог Лев Борисович Бёме: «Не понимаю, как это у Саши получается? Вот он рисует березу... Ставит точку... и я вижу, что это сидит канюк. Как это получилось? Ведь он только точку поставил?» Все звери и птицы на рисунках Формозова погружены в свою среду обитания. Пожалуй, именно это выделяет его среди других русских анималистов. В предисловии к данной книге, наверное, стоит проследить, как развивались способности А.Н.Ф., выяснить историю его становления как натуралиста и художника-анималиста, эти два его свойства неразрывно связаны.

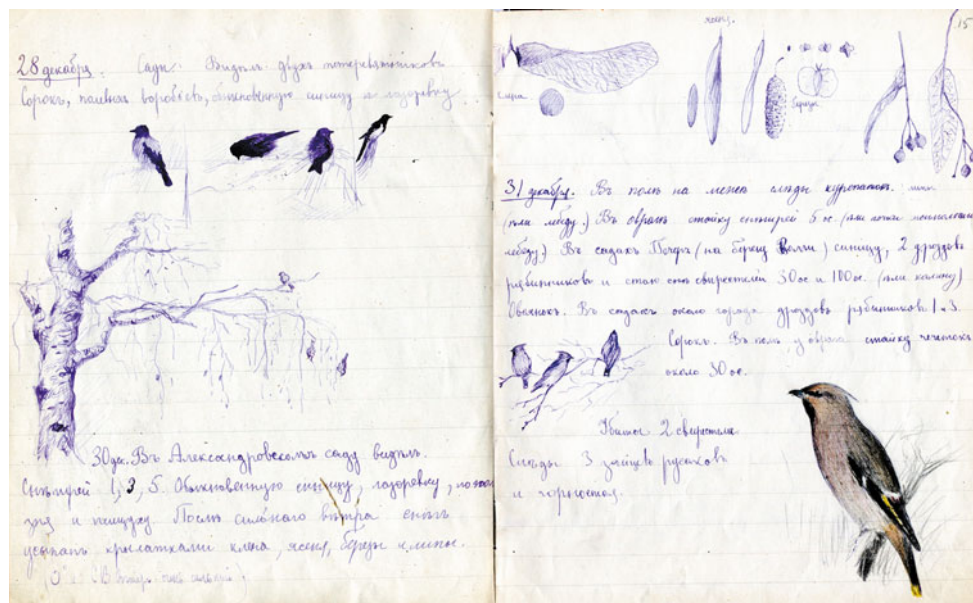
Александр Николаевич Формозов родился 1 февраля 1899 года по старому стилю в Нижнем Новгороде. Семья его была, как говорили в те времена, разночинческой. Отец Николай Елпидифорович происходил из духовного сословия. Но он, окончив по первому разряду Нижегородскую семинарию, из-за страстной любви к охоте отказался от карьеры священника и предпочел судьбу мелкого чиновника. Мать Елизавета Федоровна, урожденная Федорова, дочь станционного смотрителя из кантонистов, всю жизнь была домохозяйкой. Шура Формозов рано начал сопровождать отца в его охотничьих походах. В 11 лет он стал делать первые зарисовки.

Семья Формозовых. Около 1910. Слева направо — Александр, Нина, Николай, Елизавета Федоровна, Галья, Николай Елпидифорович

Полевой воробей из блокнота 1910 г. Записи: 25 м[арта]. Видел] трясогузку белую. 31 м[арта]. Волга вскрылась

Страницы из дневника за декабрь 1914 г.

Александр Формозов, выпускник гимназии.
Весна 1917

Соредакторы «Любителя природы»,
одноклассники Формозова, —
Н. Н. Зарудин (1899–1938)
и И. К. Алексеев (1899–1950-е)

Сохранился его первый блокнот 1910 года. И хотя А.Н.Ф. часто повторял, что умение рисовать развил исключительно тренировкой и трудолюбием, уже по первой записной книжке видно, что мальчик рисует гораздо увереннее, чем пишет.

С 1914 по 1923 год Шура вел подробные дневники наблюдений, сопровождая записи многочисленными зарисовками пером и карандашами. Всего в 8 тетрадях дневников за эти годы около 1200 рисунков. Записи А.Н.Ф. вел всю жизнь, но с годами рисунков в дневниках становится все меньше. Он все больше рисует на отдельных листах. Начиная с 1930 года в экспедициях он по-прежнему ведет дневники, но на охоте в Костромской, Вологодской и Кировской областях и на даче в Московской области делает записи на отдельных листках и хранит их в конвертах по темам («Белка», «Снег», «Рябчик» и т.д.).

В 1909 Шура Формозов поступил в 1-ю Нижегородскую гимназию. Среди его соучеников Николай Зарудин, поэт, будущий глава литературной группы «Перевал», погибший в годы большого террора. Формозов вместе с Зарудиным и Иваном Алексеевым выпускал рукописный журнал «Любитель природы». Вышло не менее 7 номеров, все они проиллюстрированы Формозовым. А.Н.Ф. закончил гимназию в романтическую весну 1917 года. Незадолго до окончания его однокашники успели выпустить несколько номеров «Журнала кружка 8-ых классов Нижегородской первой гимназии», отпечатанных в настоящей типографии. Странно выглядит в чудом сохранившемся номере первая печатная статья Формозова «Малая кукушка (*Cuculus intermedius*)» (так в те далекие времена называлась глухая кукушка) по соседству с пылким очерком Н. Зарудина «Памяти К. Р.» (поэта и великого князя).

Казалось бы, дальнейший путь Шуры Формозова не должен ни у кого вызывать сомнения, однако Николай Елпидифорович имел вполне определенный взгляд на то, что такое достойная карьера, и по его настоянию любимый сын, дабы стать инженером, поступил на химическое отделение эвакуированного

Обложка 4-го номера «Любителя природы»
с рисунком Формозова

Разворот «Любителя природы» с иллюстрациями А.Н.Ф. и статьей В. Васина «Из наблюдений (кое-что о сороках)»

в Нижний Новгород Варшавского политехнического института. Неизвестно, как бы сложилась судьба А.Н.Ф., если бы не Гражданская война. В самом конце 1918 года Формозова призвали в РККА. О том, что ему пришлось пережить, мной написан очерк «Русский натуралист на Гражданской войне» («Охотничьи просторы», 1998. кн. 1, с. 202–226.). А.Н.Ф. пять или шесть раз был на волосок от смерти — попал в плен во время Мамонтовского прорыва, у него на глазах повесили друга, он видел, как копают себе могилы приговоренные к расстрелу, его гнали «маршем смерти» вглубь «тихого Дона», всех отступающих пристреливали... Зимой 1919 года он заболел тифом, и во время спешного отступления деникинцев его бросили вместе с другими больными на разбитой железнодорожной станции на «ничейей земле», где не было ни белых, ни красных. Стало понятно, что оставаться там — верная смерть. Отец выбрал, как ему показалось, промежуток между приступами и рано утром оправился в путь к ближайшему хутору. Он шел целый день, стемнело, начался приступ возвратного тифа, он считал, что сбился с дороги... падал на снег и молился, вставал, шел и снова падал. И вдруг петух... пропел петух. Нет, он не заблудился, охотничья сметка не подвела! Он вышел абсолютно правильно туда, куда шел, только сил у него было мало, и он не рассчитал, что будет идти так долго. В первом же доме, куда он постучал, ему открыли дверь... и его там выходили и спасли. Фамилия его спасителей — Губаревы, жили они в хуторе Синегорском станицы Екатерининской области войска Донского.

Полтора года родители А.Н.Ф. не знали ничего о его судьбе, и, когда он вернулся с фронта, вопрос о своей будущей специальности уже решал сам — восстановился на биологическом факультете Нижегородского университета.

И до, и после Гражданской войны летом Формозов подрабатывал в изыскательской партии Министерства путей сообщения на брандвахте, картировавшей фарватер Волги, Сухоны и Северной Двины. Многочисленные рисунки из этих путешествий еще ждут публикации.

Бывший красноармеец
А. Формозов. 1920

А. Формозов в Дарвиновском музее среди своих акварелей. Около 1925

Монгольская экспедиция в Троицкосавске (Кяхте). Первый ряд — А. Н. Формозов, П. С. Михно (за ним А. Я. Тугаринов), А. Н. Кириченко, ботаник Н. В. Павлов. Июнь 1926

В 1922 году Формозов перевелся из Нижнего Новгорода, где в университете упразднили биологический факультет, в Москву. Жить было негде, общежитий в те времена не было, и А.Н.Ф. с разрешения директора поселился в здании Дарвиновского музея, устроившись там «ассистентом — инструктором по отделу монтировки биологических препаратов», а заодно и художником. Там он познакомился с художниками — известным анималистом В. А. Ватагиным и портретистом М. Д. Езучевским. Общение с ним было очень ценным, фактически стало первой и единственной художественной школой в жизни Формозова. В Дарвиновском музее хранится обширная коллекция тушевых рисунков и акварелей Формозова, выполненных на заказ специально по экологическим темам: конкуренция за дупла, — за крупные гнезда, — за норы; принцип конкурентного исключения; миграция белок; поющие птицы. Рисунки А.Н.Ф., принадлежащие Дарвиновскому музею, частично опубликованы в каталоге «А.Н. Формозов. Графика. Каталог коллекции. Государственный Дарвиновский музей. М., 2004. 70 с.».

В студенческие годы Формозов многократно ездил с друзьями-однокурсниками на Кавказ — в Осетию и Дагестан. В 1923 году вместе с Л. А. Портенко посетил Асканию-Нову и территории современного Черноморского заповедника. Иллюстрированный рассказ об этих путешествиях не включен в настоящее издание.

А.Н.Ф. окончил университет в 1925 году и был оставлен в аспирантуре при МГУ. Комиссия Академии наук по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской республик пригласила А.Н.Ф. участвовать в зоологической экспедиции в Монголию. Начальником отряда был энтомолог Александр Николаевич Кириченко (1884–1971), сотрудниками — известный орнитолог Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880–1948) и препаратор Виктор Викторович Рогозов (1886–1938). В Урге к отряду присоединился китаец Хун Ючен, называвший себя по-русски Мишей. Хун Ючен знал и монгольский, и русский и был одновременно экспедиционным переводчиком и поваром. Позднее у монастыря Ламын-Гэгэн на Хангае в отряд взяли монгола Дорджи, служившего проводником и погонщиком каравана.

Экспедиция из-за бюрократических проволочек выехала очень поздно и должна была все время спешить. Свой маршрут она начала в Троицкосавске (как тогда называлась Кяхта), там ее провожал известный краевед и основатель Кяхтинского музея Петр Саввич Михно, встретивший и проводивший на своем веку множество русских экспедиций в Центральную Азию. Советско-монгольскую границу экспедиция пересекла 21 июня и вскоре была в Урге (как тогда еще по привычке называли Улан-Батор). После почти двухнедельной проволочки в монгольской столице отряд на грузовичке фирмы «Додж» выехал в сторону крупного монастыря Ламын-Гэгэн на южном склоне Хангая. Там был сформирован караван из 5 лошадей и 4 верблюдов, и экспедиция двинулась на юг к озеру Орог-Нур и горам Их-Богдо. Прошедший войну Формозов был привычен к походам в седле, а вот А. Н. Кириченко пришлось туго. Но вскоре освоился и он. А.Н.Ф. как-то подслушал, как его тезка-энтомолог пытается ловить бабочек прямо из седла и, понукая своего мерина рукояткой сачка, учит его латыни: «Ну что ты меня опять к Пиериде везешь, ты давай к Ванессе поворачивай». Только 25 августа экспедиция двинулась в обратный путь. Из двух возможных дорог выбрали еще не пройденный маршрут, как оказалось, весьма рискованный — на нем почти двое суток пришлось идти совсем без воды. К 14 сентября добрались до городка у западных отрогов Хангая Улясутая. Там расформировали караван и распрощались с «Мишей» и Дорджи. Уже ранней монгольской зимой под идущим снегом

в открытом грузовике добрались до озера Хубсугул и, проплыв по нему на пароходе, оказались у советской границы, которую пересекли только 1 октября. Страшная спешка, почти каждый день в седле... но художественный итог этой экспедиции поразителен. Формозов привез из нее 80 рисунков черным и 17 — цветными карандашами, 8 акварелей и одну пастель.

На следующий год, летом 1927 года, Формозов ждал очередную многообещающую заграничную экспедицию, Академия наук пригласила его участвовать в пятимесячных исследованиях в Афганистане. Незадолго перед экспедицией он познакомился с младшей сестрой орнитолога А. Н. Промптова Любой. Хорошенькая молодая девушка только что восстановилась во 2-м МГУ (так назывался будущий Московский педагогический институт им. Ленина), откуда ее незадолго до этого отчислили из-за непролетарского происхождения. Летом Люба собиралась пройти студенческую практику по зоологии беспозвоночных на Мурманской биологической станции. Перед тем как расстаться на долгий срок, Формозов уговорил ее расписаться. Как много позже писала Любовь Николаевна, ей «очень было страшно, необычно и не хотелось», но А.Н.Ф. был настойчив. Зарегистрировав весьма призрачный брак, Люба тут же уехала на Север, а Формозов остался ждать выезда в Афганистан. Но экспедицию отложили, как выяснилось позднее, не на год, а навсегда. А.Н.Ф. сумел получить командировку на Мурман и присоединился к Любе. Свой медовый месяц они провели на острове Кильдин.

Караван экспедиции в Долине Больших озер. Формозов второй слева. Фото А.Я. Тугаринова

Люба Промптова. 1925

Летом 1928 года Формозов отправился в экспедицию на Дальний Восток вместе с известным ленинградским орнитологом Леонидом Михайловичем Шульпиным (1905–1942). Во Владивостоке Формозов и Шульпин познакомились с известным писателем и исследователем В.К. Арсеньевым. Вероятно, по его совету первая остановка Формозова и Шульпина была на хуторе братьев Худяковых. (План маршрута экспедиции см. на стр. 211). Этот хутор (ныне пос. Оленевод) находился на противоположной стороне р. Суйфун от ст. Раздольная КВЖД.

Семья Худяковых была одними из первых русских поселенцев в Приморье. В 1877-м старообрядец Леонтий Дмитриевич Худяков (1834–1912) получил разрешение на переселение на Дальний Восток с семьей сыновьями: Федором (1863–?), Павлом (1865–?), Иустином (1869–?), Александром (1871–?), Афанасием (1875–?), Парфентием (1876–?) и Федотом. О судьбе младшего Федота ничего не известно, видимо, он умер, не выдержав тягот пути и первых лет обустройства. На Дальнем Востоке у Худякова родилась дочь Анастасия (1884–?). Осваивал новое место Л.Д. Худяков с шестью сыновьями. Федор стал успешным пасечником, Павел — знаменитым охотником и изумительным стрелком, впоследствии оленеводом (в 1886 г. газета «Восточное обозрение» сообщила, что на охотника Худякова напали три тигра, одного он убил, двух ранил, один из них нанес ему несколько ран, но жизнь охотника вне опасности), Иустин был выдающимся садоводом, автором многих новых сортов, Афанасий — кораблестроитель, инженер-самоучка, фотограф, дипломированный морской штурман.

А.А. Формозов, старший сын А.Н.Ф., в биографии отца пишет: «Рассказ об этой семье я слышал от отца многократно, даже в последний год его жизни. Должно быть, в Худяковых он видел осуществленный идеал просвещенной крестьянской Руси, смутно рисовавшийся Николаю Елпидифоровичу. Смелые активные люди, в то же время не порвавшие с природой, а неразрывно связанные с нею. Что-то с ними стало несколько лет спустя

*Башня для обороны от хунхузов на хуторе Худяковых.
Фото Л. М. Шульпина*

*Формозов за работой у палатки на Сихотэ-Алине.
Фото Л. М. Шульпина*

Вниз по Амуру. Фото Л. М. Шульпина

Леонид Шульпин (1905–1942)

при коллективизации?». В советское время хутор Худяковых числился сначала артелью, затем «показательным совхозом». К 1930 году (по другим сведениям, в 1929 г.) артель была закрыта, ее участники раскулачены и сосланы... на запад, в Амурскую область. К 1930 году из шести братьев в живых оставалось только три, зимой того же года один из них замерз на охоте. К концу 20-х годов Худяковых вместе с женами и малыми детьми было уже 150 человек (Письмо С.Р. Смирнова сестре, в кн. «Дедушка, Grand-pere, Grandfather»). История этой замечательной семьи до сих пор не написана. Потомки Леонтия Худякова сейчас живут по всей стране, от Владивостока до Краснодарского края.

Следующая короткая остановка была еще дальше на запад, поблизости от китайской границы, на станции Хорватово. Затем путешественники вернулись во Владивосток и оттуда на корабле прошли до бухты Тетюхе (ныне Рудная), по долине реки поднялись в верховья одноименной реки и перевалили на западный склон Сихотэ-Алиня. Вернувшись к побережью, Формозов и Шульпин первоначально планировали так же с моря попасть в окрестности порта Советская Гавань. Но затем решили изменить план. Формозов писал:

Пароход, который должен был вести нас на север, предполагал выйти из Владивостока 3.VII, но даже и 6.VII не было телеграммы о его выходе. Значит, в Тетюхе он пришел бы числа 8, да до Совгавани (быв. Императорская Гавань) ходу дней 8–10 (смотря по погоде) + на обратный путь до Владивостока еще дней 12, всего набегает почти с месяц. И это для двух недель работы! Решили плюнуть на морские разъезды особенно потому, что посадка и высадка здесь страшно трудны, а расписание не соблюдается. На северную часть берега (залив Де-Кастри) я попаду с Амура.

Еще раз вернувшись во Владивосток, Шульпин и Формозов выехали поездом в Хабаровск, от туда пароходом спустились вниз по Амуру до села Софийского, где задержались для изучения фауны Нижнего Приамурья на 6 дней (20–25 июля). Формозов коллектировал мелких млекопитающих при помощи специально вырытых для ловли канавок, а Шульпин широко перемещался по окрестным сопкам в поисках новых, еще неизвестных ему видов птиц. Там произошел колоритный эпизод. А.Н.Ф. рассказывал, что копать канавку для ловли грызунов «в комариной сетке было душно, я снял ее и остался с открытым лицом.

Навстречу от канавки, над которой я гнул спину, с жадным стоном крыльев понеслась густая мгла комаров и мошек. Они лезли в глаза, уши и ноздри, жгли лоб и губы, облепляли шею и плечи, заползали за воротник. От них можно было дойти до бешенства или сойти с ума. Фыркая, я давил их грязными от земли руками, смешивая землю, кровь и комариное месиво с потом, который катился по лбу. Я отплевывался и чихал, непрерывно мотал головой и ругался и все копал эту проклятую канаву. Она была полна толстыми камнями и корнями. Выворотить их было нелегко. Я клял таежный гнус, идиотов, что летом ездят на Дальний Восток за зверюшками, точно мышей нельзя найти осенью, клял чертову амурскую тайгу и корни, мешающие копать, жаркую погоду, дьявола, занесшего меня сюда, и опять принимался за комаров и мошек.

Мой спутник — Шульпин, как потом оказалось, осторожно подошел в это время на голос и, прячась за деревьями, полностью записал мой трагический монолог. Я так и не узнал бы об этом, если бы вечером в школе [путешественники остановились в пустующей летом школе], он не прочитал мне свою «стенограмму». Признаюсь, я обмер, когда прослушал с начала до конца это ужасающее произведение! Хорошо, что такую запись он никогда не сможет напечатать.

Дня через два, собирая утром зверьков из ловушек, я услышал на тропе легкие, осторожные шаги. «Опять Леонид лезет, хочет еще монолог записать... Нет, теперь ты меня не проведешь, — подумал я и громко крикнул: — Леня!» На тропе испуганно рывкнул большой зверь, затрещали кусты, и все стихло. Я напугал медведя, пробиравшегося вдоль речки».

От Софийского через озеро Кизи дошли до реки Таба, от нее по древнему волоку, перевалив через Сихотэ-Алинь в его северной части, вышли к морскому побережью. Вернувшись в Хабаровск, путешественники расстались. Для Шульпина это был конец полевого сезона, а Формозов надеялся еще поработать в среднем течении Амура. Работа в предгорьях Малого Хингана, в окрестностях станицы Радде, не состоялась. И последней остановкой А.Н.Ф. было село Игнатьевка под Благовещенском. Только в первых числах октября Формозову удалось завершить все дела в Хабаровске и выехать в Москву. Дальневосточная коллекция рисунков насчитывает 70 рисунков, выполненных черным карандашом, 35 — цветными и всего 3 акварели.

В 1929 году Александр Николаевич снова отправился на Север, на этот раз местом работ стал архипелаг «Семь островов», а основным объектом обыкновенная гага. Позднее по его проекту на этом архипелаге был организован заповедник. Помогал Формозову в работе юннат Шура Максимов, ставший впоследствии радистом-полярником.

Женищина с ребенком в люльке. Фото Л. М. Шульпина

В гильяцкой фанзе. Фото Л. М. Шульпина

В середине июня 1930 года А.Н.Ф. вместе с 4 юннатами (среди них были В. Беляев, Б. Красавцев и Анатолий Максимов, ставший позднее известным зоологом, брат Шуры, ездившего с Формозовым на Мурман) отправился на обследование лесов севера Горьковского края. Довольно быстро из красивого, но обжитого Поназырево исследователи переселились в глухую таежную деревушку в 9 км к югу — Киселево. Там ребята вместе с Формозовым работали до начала августа. Киселево было небольшой деревней даже в те времена — всего 17 дворов, соседняя с ним деревня Яковлево, где Формозов также регулярно останавливался, была чуть больше — 34 двора. Александру Николаевичу эти места очень понравились,

*А. Н. Формозов в Киселево на охоте. Октябрь 1933.
Фото А.А. Максимова*

Киселево. 2-й дом от околицы служил базой Формозова. Фото И. М. Олигера

и он приезжал в Киселево и Яковлево каждую осень в течение 11 лет, а также несколько раз зимой и весной. Основной задачей его исследований было изучение колебаний численности промысловых животных. С лета 1937 года в Киселево стал ездить Иван Михайлович Олигер (1909–2012). Олигера и Формозова многое объединяло, оба они были нижегородцы, оба в детстве входили в круг ребят, опекаемых замечательным нижегородским краеведом Николаем Александровичем Покровским (1881–1943). Слова «юннат» еще не существовало, поэтому все юные любители природы, которые группировались вокруг Покровского, звались попросту «ребятишки». Шура Формозов был из самого раннего поколения «ребятишек», Ваня Олигер — из одного из последних. В 1935 году Иван Олигер поступил на биологический факультет Ленинградского университета к профессору Догелю и собирался специализироваться по паразитологии. Как-то, будучи проездом в Москве, Олигер навестил Формозова. Александр Николаевич предложил ему тему по паразитологии тетеревиных птиц, так как предполагал, что заражение паразитами может играть решающую роль в изменениях численности рябчиков, тетеревов и глухарей. Эту идею Валентин Александрович Догель горячо поддержал. Так, Ваня Олигер стал проводить все лето в любимых формозовских местах. И Формозов, и Олигер дружили с местными мужиками, все они были охотниками, великолепно знали повадки таежных животных и потому могли рассказать биологам немало интересного.

Вот как описывает Иван Михайлович Олигер приезд А.Н.Ф. в Киселево осенью 1937 года.

И вот, наконец, в конце сентября приехал Александр Николаевич. О его приезде, конечно, скоро узнала вся деревня. И уже к вечеру к нам в дом потянулись один за другим мужики. Уселись на лавки, стоявшие вдоль стен, или просто на пол, закурили махорочные самокрутки, и начался неторопливый разговор. Сначала спрашивал Александр Николаевич — о том, кто сколько добыл белок, куниц, зайцев, глухарей, каков был урожай черники, брусники, грибов. А затем принимались спрашивать и мужики. — А штё, Лексан Николаиц (говор там был костромской, вятской, северный), — не слышно ли в Москве насчет налога, не будут ли снижать? Ну, что мог ответить на такие вопросы Александр Николаевич в 37-м году? — Али нет? О-хо-хо, уж больно худо живем-то! Беседа тянулась часа полтора-два. Наконец, махорочный дым настолько заполнял избу, что Александр Николаевич не выдерживал, вставал и открывал сени, и мужики понемногу начинали расходиться.

И Формозов, и Олигер одевались в лес по-местному, по-мужицки, ходили в лаптях, но в этом не было ни рисовки, ни стремления подладиться, а только, так сказать, производственная необходимость. Олигер в своих воспоминаниях поясняет:

Большинство городских охотников ходило на охоту в кожаных сапогах [резиновых еще не было], но они очень тяжелые и к тому же часто пропускают воду, а для многих деревенских охотников были и дороги. Поэтому большинство деревенских охотников обувалось в липовые лапти, обувь очень легкую, удобную и дешевую. <...> Но лапти, конечно, легко промокали. Летом это было не страшно, а осенью деревенские охотники надевали бахилы — кожаные беспяточные длинные чулки, с одним продольным боковым швом; они были практически непромокаемы, особенно если их предварительно смазать дегтем. Поверх бахил, чтобы не порвать их о камни и сучки, опять-таки надевались лапти. Такую обувь в киселевских лесах использовал и Александр Николаевич.

А.Н.Ф. любил подчеркивать, что сапоги гремят и хрустят, задевая за сучья, а в лаптях охотник идет мягко и бесшумно, как лесной хищник. Сейчас ни Киселева, ни Яковлева нет на карте. Соседнее село Панино, которое Формозов считал слишком людным, превратилось в маленькую деревню, наподобие тех, какими были стационары Формозова 70 лет назад. В 2000 году я ездил туда и нашел трех людей, которые знали моего отца. «Ой, вспомнила, вспомнила, видела его, — сказала мне бабушка лет семидесяти с лишним. — Он ведь мне платье-то фланелево прислал. Я в ём в первый класс пошла!»

Санушко Зайцев, лучший киселевский охотник, друг А.Н.Ф. 1959. Фото И.М. Олигера

Марья Пантелеевна и Кузьма Петрович Зайцевы, хозяева киселевской базы Формозова. Фото И.М. Олигера

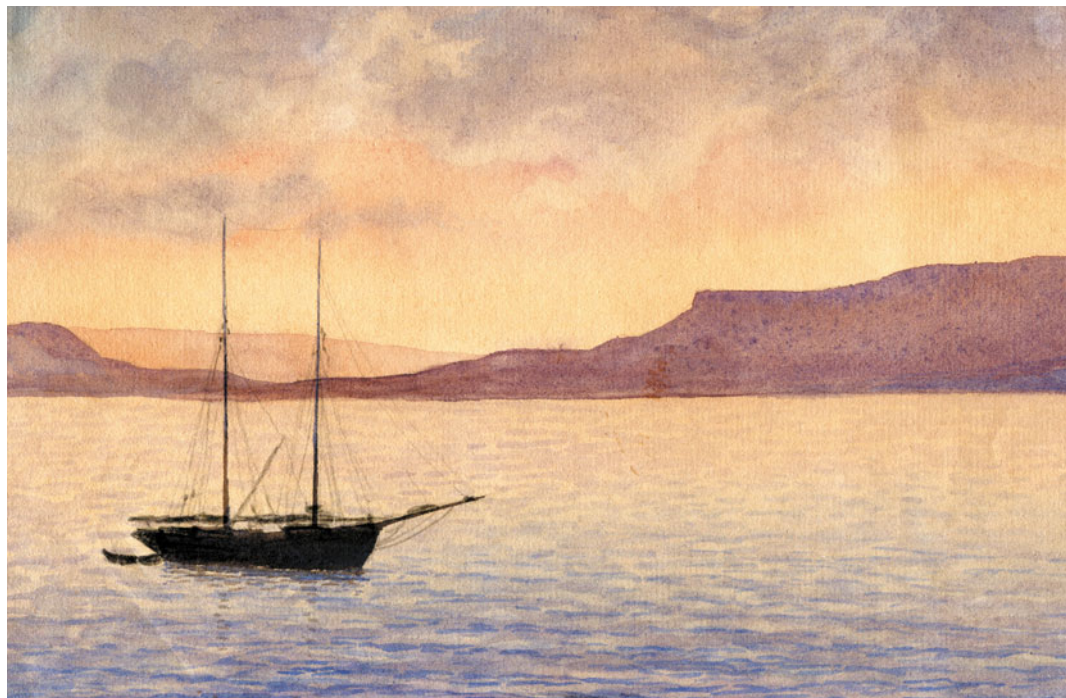
Рисунки из четырех регионов — Монголии, Мурмана, Дальнего Востока и Шарьинского района Костромской области — составляют основу данной книги, и большинство из них публикуется впервые. Одну из своих научно-популярных работ отец хотел назвать «От Мурмана до Каспия». Заглавие этого первого альбома рисунков А.Н. Формозова — память о том не осуществленном проекте. Последовательность глав-путешествий выстроена не в хронологическом порядке, а по географии — с севера-запада на юго-восток. Рисунки сопровождают цитаты из научных, научно-популярных работ, писем и дневников Формозова. Все цитаты выделены желтым фоном, их источники приведены в соответствующем разделе в конце книги. Текст составителя на белом фоне. Формозов был художником-самоучкой. Первые уроки правильного обращения с акварелью он получил только в 1922–1923 годах от В.А. Ватагина. Тогда же М.Д. Езучевский научил его работать с пастелью. Но пастель оказалась очень неподходящей техникой для полевых условий. В монгольскую экспедицию 1926 года А.Н.Ф. еще возил с собой громоздкий ящик пастельных мелков. По-видимому, единственная пастель, привезенная из этой поездки (стр. 170), была последней работой в этой технике, выполненной им в природе. Постепенно он отказывался и от акварели (если на полевые сезоны 1926 и 1927 годов приходится 31 акварельная работа, то на два следующих года — только 7). На моей памяти он в поездки и походы в природу акварельные краски уже никогда не брал. С годами у него выработалась собственная техника рисунка в полевых условиях. Он использовал цветные карандаши или чаще только черный карандаш, который называл «негро». Карандаши путешествовали в продолговатом берестяном туеске, сплетенном по заказу отца в Киселево. Рисуя, папа высыпал карандаши в фуражку, а под бумагу подкладывал специальную гладкую фанерку по размеру полевой сумки.

Зоологический рисунок был неотъемлемой частью научного творчества Формозова. Собственно, и стал А.Н. Формозов широко известен как ученый благодаря своим рисункам. Его книга «Спутник следопыта» вся построена на иллюстрациях (в последнем 8-м издании их 370). В 30-е и 40-е годы юные биологи росли, читая «Спутник», и поступали в университет, чтобы учиться у Формозова. Рисунки сделали его кумиром нескольких поколений московских студентов. А.Н.Ф. преподавал на биологическом факультете МГУ с 1930 по 1956 год. В то время не было ни красочных определителей, ни диапозитивов, ни хороших проекторов. Многие из представленных в этой книге рисунков служили иллюстрациями к лекциям Александра Николаевича. Они подчинены целям педагогики — например, среди портретов птиц преобладают профильные, так лучше видны и запоминаются определительные признаки. Перед каждой лекцией А.Н.Ф. раскладывал множество рисунков на передних столах аудитории. Часто и рисовал во время лекций. Когда вдруг после нескольких штрихов мела на доске появляется портрет зверька, заблестит его живой глаз, у присутствующих остается ощущение чуда. После лекции студенты собирались вокруг передних столов, рассматривали рисунки, Формозов давал пояснения. Можно догадаться, какой след в душах будущих зоологов оставляло природное многоцветье формозовских рисунков в те почти монохромные времена. Ученик Формозова, сам замечательный зоолог и художник-анималист Владимир Моисеевич Смирин, писал, что «совмещать научную работу и серьезное рисование необычайно трудно, и Александр Николаевич временами очень страдал от этого». Я с этим не согласен. Если первая половина фразы относится в первую очередь к самому В.М. Смирину. Он, человек ранимый, сомневающийся, действительно с трудом и мучениями всю жизнь искал баланс между наукой и искусством. Вторая часть фразы просто неверна. Художественное творчество и научная работа сочетались у А.Н.Ф. очень органично. Он всегда щедро иллюстрировал свои статьи и книги. Но изобразительное искусство было для Формозова куда большим, чем ремесло иллюстратора. Я бы сказал, что это был один из его способов общения с природой. Он пропускал через себя красоту и запечатлевал ее.

А.Н.Ф. рисовал почти всю жизнь, 62 года из 74 прожитых лет. Последний его набросок датирован 23 декабря 1972-го, за год (без одного дня) до его смерти.

МУРМАН

(два путешествия на Мурманское побережье Баренцева моря в 1927 и 1929 годах)

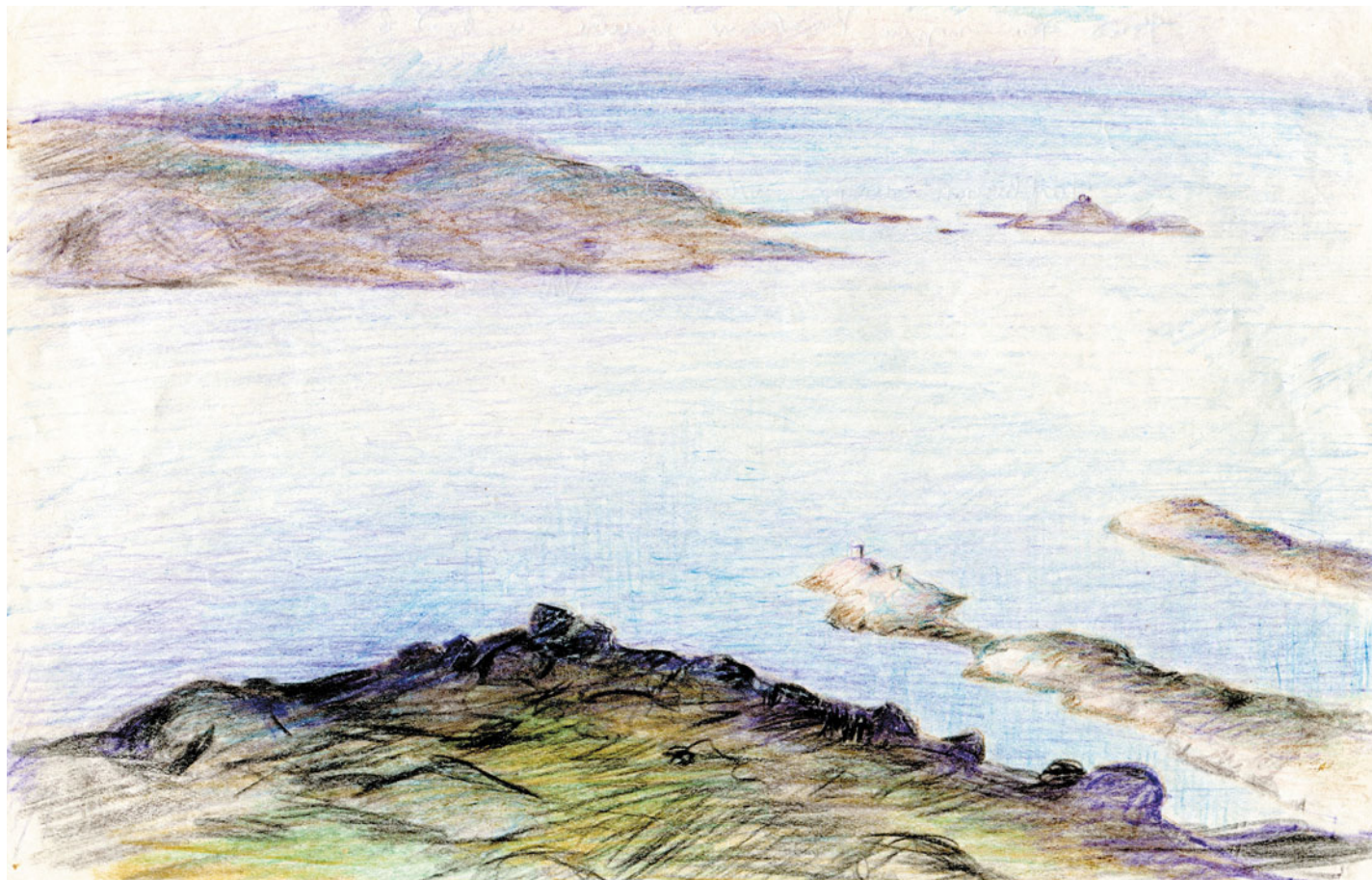
*Шхуна «Шарлотта»
на Кильдинской салме,
Мурман. Сентябрь 1927*

Первая поездка на Мурман в 1927 году была, пожалуй, самым неожиданным и романтическим путешествием за долгую экспедиционную жизнь А.Н. Формозова. В июне 1927 года Формозов ждал выезда на целых пять месяцев в экспедицию Академии наук в Афганистан. Он уговорил студентку Второго МГУ Любовь Промптову, в которую был влюблен, тайно расписаться перед расставанием на столь долгий срок. Вскоре после этого Люба уехала на практику на Мурманскую биостанцию. К началу июля выяснилось, что афганская экспедиция отложена на год (в итоге она так и не состоялась). Неожиданно Наркомзем предложил Формозову изучить на Мурманском побережье возможности островного разведения песцов по подобию Командорских островов. Александр устремился вслед за своей женой-невестой. Они вместе провели 1 месяц на острове Кильдин, где жили у местных норвежцев Эриксонов. Так неожиданно не предвиденная командировка на Мурманское побережье стала для Формозова и свадебным путешествием. По материалам поездки А. Н. Формозов опубликовал статью «Остров Кильдин и его фауна», воспоминания о ней оставила и его первая жена Любовь Николаевна Формозова.

Весной и летом 1929 года состоялась вторая поездка Формозова на Мурман. Его спутником был в то время юннат Александр Максимов. После короткого заезда на озеро Имандра Формозов провел почти месяц на архипелаге Семь островов, в основном на острове Харлове. В качестве комментариев к рисункам использованы письма и полевой дневник Формозова и его научно-популярный очерк «У студеного моря». В 1938 году по предложению Формозова на архипелаге Семь островов был организован одноименный заповедник, сейчас он считается филиалом Кандалакшского заповедника.

Третий и последний раз А.Н.Формозов был на Мурмане в марте 1931 года, детали этой поездки неизвестны.

МУРМАН, 1927

Вид на горло Кольского залива и вход в Екатерининскую гавань с горы Вестник. Чижевский маяк, о-в Седловатый и т.д. Август 1927

Старое поморское слово «губа» означает то же, что и норвежское слово «фиорд», но если я скажу вам: мы едем в Пала-губу, — это прозвучит, пожалуй, и менее выразительно, и более скромно, чем Пала-фиорд. Впрочем, неважно; это окруженное горами покойное и затихшее, как лесное озеро, пространство вод вряд ли нуждается в особо звучных наименованиях. Там самая лучшая литораль из всех имеющих близ Мурманской биологической станции, самая богатая обнажающаяся при отливе прибрежная полоса, на которой под камнями и в скользких водорослях прячутся морские звезды и крабы, быстрые, тонкие, как змейки, литоральные рыбки-маслюки, тысячи бокоплавов, мелкие актинии, целые грозди мидий и другие моллюски, то в виде крышечек, то в виде тарелок — вся та живность, какую смотрят, ловят, разводят и изучают студенты, приезжающие сюда со всех концов страны.

Екатерининская гавань у Мурманской биологической станции

А какая морошка по берегам, как густо растет темно-синяя черника и сизая голубика среди мелких пахучих кочек, перемежающихся со скалами, пестрыми от лишайников, и болотцами, снежно-белыми от хохолков пушицы! Всякий отправляющийся в Пала-губу на литораль возвращается не только с банками, переполненными медленно копошащейся живой добычей, но и с губами, синими от ягодного сока. Но не за морошкой, не за водной живностью приплыл я в Пала-губу.

На Пала-губе произошло первое знакомство Формозова с фауной Баренцева моря. И в 1927-м, и в 1929 годах прежде, чем отправиться в поле, Формозов по несколько дней помогал с музеем биостанции, рисовал по заказу ее заведующего ихтиолога Н.П. Танасийчука всяческую морскую живность. Что случилось с этими рисунками — неизвестно. В 1933 году 25 сотрудников Мурманской биологической станции были арестованы ОГПУ, 22 из них — осуждены, а станция закрыта. В архиве сохранился лишь один не законченный рисунок морского ангела, который, вероятно, предназначался изначально для музея биостанции.

Морской ангел (*Clione limacina*) — живущий в толще воды брюхоногий моллюск. Мурман. Июль 1927

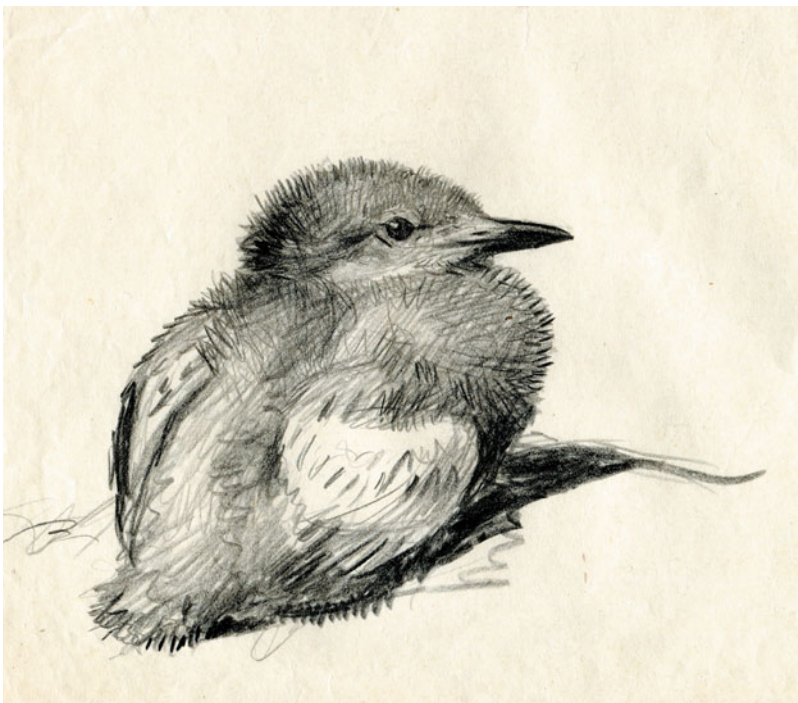
Серебристая чайка. Мурманская биологическая станция. 31 июля 1927

«Чайки ноют, стонут, мяукают», «жадно воют», и, конечно, «хохочут»... Эти и многие другие красочные эпитеты повторяются у Формозова из письма в письмо, из описания в описание. Крики серебристых чаек — такая же неотъемлемая часть мурманского пейзажа, как и полярные белые ночи. Эти характерные и запоминающиеся звуки орнитологи обозначают весьма бесцветно «долгий крик». Серебристые чайки — фоновый вид Мурманского побережья, но рисовал А.Н. Формозов их совсем немного, наверное, потому, что близкая форма, чайка-хохотунья, уже была хорошо ему знакома по путешествиям на Каспий и Черное море.

Камень со злаковой дерновиной и мхом во впадине, удобренной чайками. О-в Зеленый в Пала-губе. Июль 1927

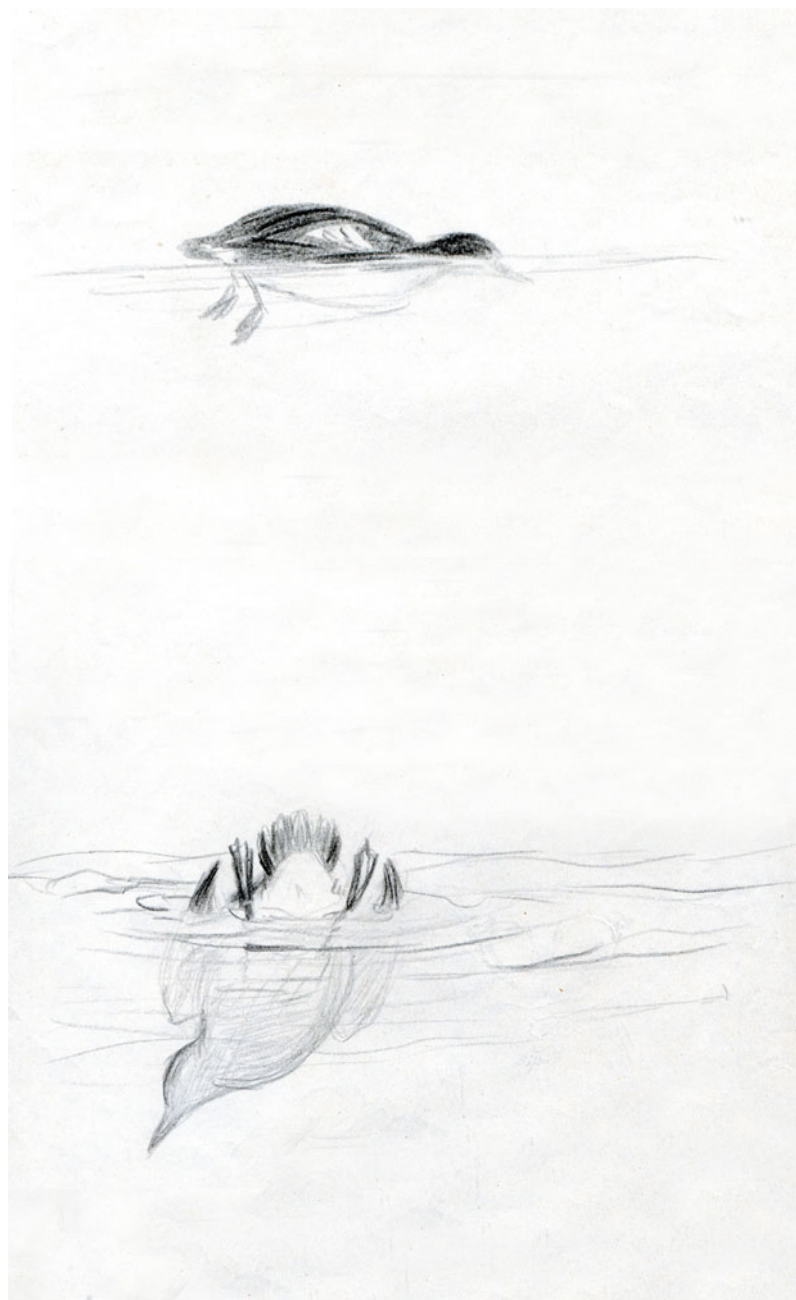
Его, эколога, гораздо больше интересовали результаты деятельности чаек. Оказалось, что они в течение многих лет так обильно удобряют свои любимые наблюдательные посты, камни, что на них, на щедро удобренной азотом почве, вырастает особая «биогенная» растительность — густая и ярко-зеленая.

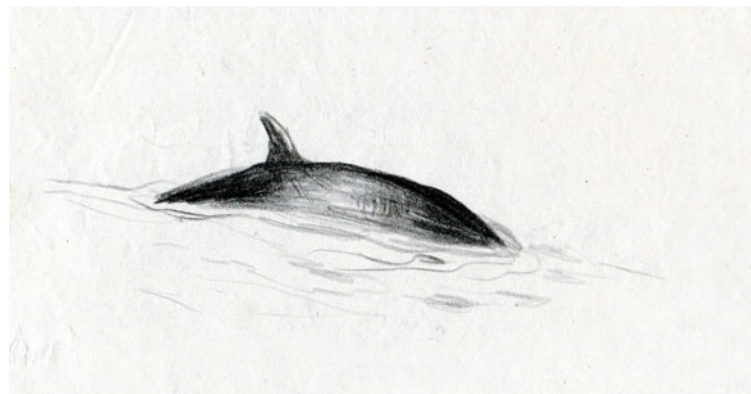
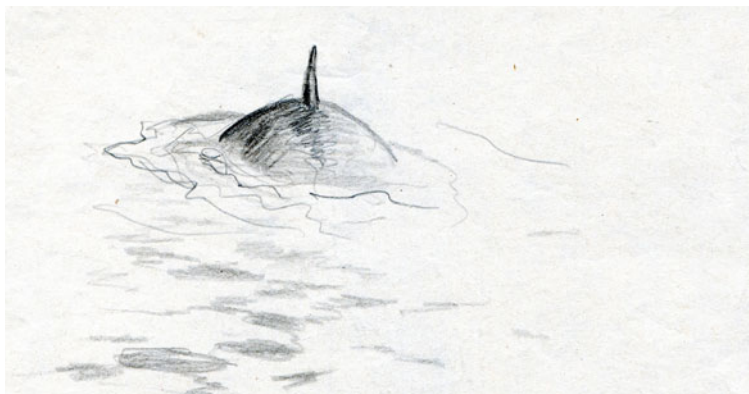
Птенец чистика из Пала-губы. 28 июля 1927

И конечно, внимание Формозова привлекали характерные только для северных морей птицы из подотряда Чистиковых, которых ему никогда раньше встречать не приходилось. В первые же дни в Пала-губе ему удалось познакомиться с чистиком, птицей, давшей название и этому подотряду.

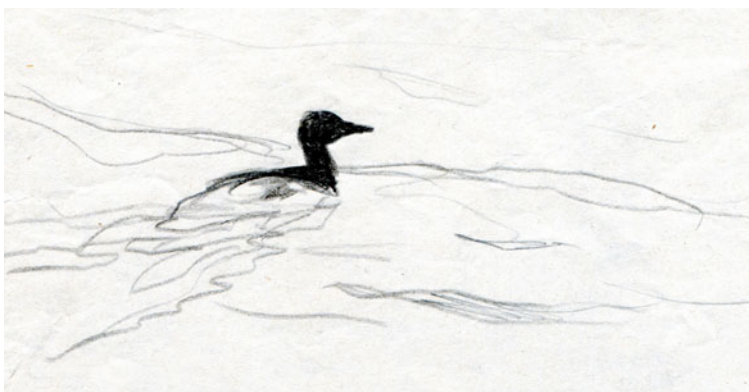

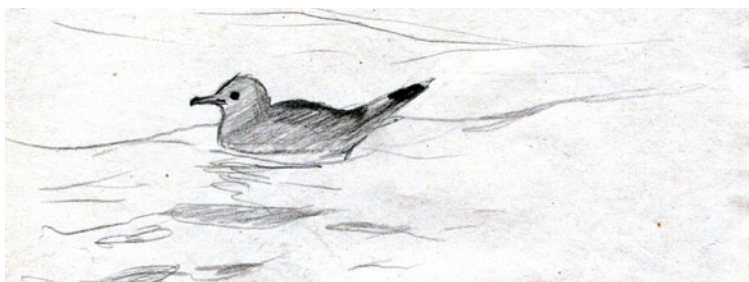
Чистик, плавающий у острова, на котором у него гнездо. Крик — циии-иии, двусложный высокий свист. Прежде чем нырнуть, смотрит под воду, высматривая добычу. Ныряя, чистик подпрыгивает, при этом мелькает распушенный хвостик и концы раскрытых крыльев. Остров Зеленый в Пала-губе. Июль 1927

Пароход на Кильдин сопровождал малый полосатик (определение Ольги Филатовой). Интересно, что в начале XX века в России не было надежных определителей по китообразным, и Формозов ошибался, называя всех крупных баренцевоморских китов «косатками»

Чистик, испуганный пароходом, не может подняться сразу, а долго разбегается, оставляя на воде круги

*Моевка у устья Кольского залива. Кольский залив у океана.
29/30 июля 1927*

Заданием, полученным Формозовым в Москве, было обследовать остров Кильдин, чтобы выяснить, можно ли там разводить песцов, как на Командорских островах. Оформив нужные документы в местных инстанциях и списавшись с Москвой о продлении отпуска, Люба смогла присоединиться к мужу в этой поездке. Неожиданно в ночь с 29 на 30 июля без расписания пришел рейсовый пароход. Путь до Кильдина, по воспоминания Л.Н. Формозовой, занял всего 3 часа, но и они нашли отражение в художественной летописи путешествия.

Пароход на подходе к Кильдинскому становищу. На память о свадебном путешествии А.Н.Ф. сделал книжечку с маленькими (частью шуточными) рисунками, иллюстрирующими самые значимые происшествия* (здесь и далее рисунки из этой серии отмечены звездочкой)

Любовь Николаевна писала, что «высокий черный остров Кильдин в ясные дни был даже виден из Александровска» (ныне Полярного).

«Лочия Мурманского берега» сообщает: «Остров этот гористый и высоко приподнят над уровнем моря, но, в противоположность горам мурманского берега он имеет плоскую, платообразную вершину, пересеченную небольшими впадинами. Кильдин сложен из древних осадочных пород (кварцевых и доломитовых песчаников, песчаников с глауконитом и др.), а мурманские берега, сглаженные ледниками, — из гранитов, этим и объясняется разница в формах поверхности. <...>

К юго-западной оконечности — мысу Бык, или Быкову-мысу, — берег имеет вид обрыва высотой 200 метров, верхняя часть которого совершенно отвесна, с половины высоты и до подошвы видны осыпи, делающие нижнюю часть обрыва немного отлогой».

К северу от Быкова утеса. Западная оконечность о. Кильдин.
11 сентября 1927

*Мыс Пригонный на южном берегу
Кильдина дальше всего выдается в салму.
Он увенчан большим (в человеческий рост)
каменным туром*

Формозов писал о Кильдине: «Остров необычайный, красивый, а некоторые места величественны до жути».

И сухие строки «Лоции»: «Южный берег, имеющий у воды низменную неширокую площадку, возвышается амфитеатром, четырьмя довольно правильными террасами или уступами и, поднявшись до высоты 500 футов над уровнем моря, заканчивается ровной стенообразной поверхностью».

Прибой у восточной оконечности Кильдина. Полный отлив. 18 сентября 1927

Лоция: «Восточный берег Кильдина сравнительно невысок, но тоже довольно крут, только низменная полоса у его подошвы гораздо шире, чем у южного берега».

Почти всюду вдоль северного берега, а особенно в западном и восточном концах острова, в полосе отлива и несколько дальше вглубь моря, лежат отдельные большие обломки пластов песчаника и целые гряды, о которые разбивается прибой; но они недостаточны, чтобы прикрывать сколько-нибудь значительные пространства. <...> Поэтому водяные птицы, питающиеся в прибрежной мелководной полосе, <...> не имеют у Кильдина вполне удобных условий существования. <...> На большом камне, известном у рыбаков под именем «Комод» (к северо-востоку от мыса Бык), бакланы собираются в числе 1–2 десятков. Здесь же иногда делают гнезда 2–3 пары; отдельные гнезда помещаются кое-где и на пахтах.

*Отдыхающие бакланы на скале «Комод». Северный берег западной оконечности Кильдина.
11 сентября 1927*

*Северный берег о-ва Кильдина
«у 2-го падуна». 2 сентября 1927*